

Защита активов компании и ее владельцев

10.10.2017

НОВОСТИ КОМПАНИЙ

СТАТЬИ

18 октября журнал Legal Insight и коллегия адвокатов города Москвы «Барщевский и Партнеры» проведут [бизнес-завтрак по актуальным вопросам защиты активов компаний](#) и ее владельцев при неправомерных сделках с активами, а также при разделе имущества между супругами или наследниками. В преддверии этого мероприятия мы публикуем статью **Павла Хлюстова**, партнера коллегии адвокатов города Москвы «Барщевский и Партнеры»,

адвокат, канд. юрид. наук «Виндикация vs реституция: новый подход ВС РФ»,
[опубликованную в Legal Insight. №7. 2017.](#)

31 июля 2017 г. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ по итогам рассмотрения дела «АСВ против Смирновых» пришла к выводу, что цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться сделка, направленная на прямое отчуждение имущества первым продавцом последнему покупателю, в связи с чем права первоначального продавца на истребование имущества из владения последнего покупателя подлежат защите с использованием правового механизма, установленного ст. 167 ГК РФ (реституция), а не механизма, предусмотренного ст. 301, 302 ГК РФ (виндикация). Не начнут ли суды, опираясь на новую правовую позицию, бесосновательно подменять нормы о виндикации нормами о недействительности сделок?

Вопрос о соотношении и сфере применения таких способов защиты, как истребование имущества из чужого незаконного владения (ст. 301, 302 ГК РФ, далее — виндикация) и применение последствий недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ, далее — реституция), является крайне важным для любого практикующего юриста, сталкивающегося с судебными спорами. От правильного ответа на него зачастую зависит исход судебного спора, поскольку сфера юридически значимых обстоятельств для каждого из приведенных способов защиты не совпадает. Достаточно вспомнить, что виндикационный и реституционный иски чаще всего по-разному относятся к добросовестности ответчика (ст. 302 ГК РФ), началу течения срока исковой давности (ст. 181 и 200 ГК РФ) и порядку расчета при возврате имущества (303 ГК РФ).

Кроме того, в некоторых случаях выбор способа защиты будет влиять и на подведомственность спора. Проблема подведомственности была одним из краеугольных камней и в комментируемом деле. Ответчиками являлись физические лица, в связи с чем компетенция арбитражного суда могла быть признана лишь в том случае, если бы спор был отнесен к специальной подведомственности арбитражных судов. Поскольку иск был предъявлен физическим лицам в рамках дела о банкротстве, а законодательство исходит из

специальной подведомственности споров об оспаривании сделок должника и о применении последствий их недействительности, ВС РФ пришел к выводу, что такой спор подлежит разрешению именно арбитражным судом. В том случае, если бы надлежащим способом защиты являлся виндикационный иск, комментируемое дело о возвращении спорного имущества в конкурсную массу должника подлежало бы разрешению судом общей юрисдикции.

Многим казалось, что проблема разграничения способов защиты, предусмотренных ст. 167 и 301 ГК РФ, была решена уже более 10 лет назад в Постановлении КС РФ от 21.04.2003 г. Именно тогда в судебной практике возобладал подход, согласно которому при рассмотрении спора по иску собственника имущества о признании недействительной одной из сделок с этим имуществом, совершенных без его участия, он не может требовать применения реституции, а возврат имущества из чужого незаконного владения лицу, считающему себя собственником, возможен лишь путем удовлетворения виндикационного иска. Однако в последние годы стало ясно, что критерии для выбора между виндикацией и реституцией являются довольно зыбкими.

В судебной практике все чаще встречаются споры, в которых суд признает несколько последовательных, взаимосвязанных и формально самостоятельных сделок по отчуждению имущества в качестве единой сделки, что исключает применение норм ст. 301, 302 ГК РФ о виндикации имущества и делает необходимым применение норм ст. 167 ГК РФ о реституции. При этом суды исходят из того, что цепочка последовательных сделок по отчуждению спорного имущества, хотя и имеет разный субъектный состав, в действительности прикрывает одну сделку по прямому переходу имущества от первого отчуждателя к последнему приобретателю.

Определение ВС по делу «АСВ против Смирновых»

До недавнего времени единого мнения по поводу правомерности такого подхода не было, что заставило высказаться по этой проблеме ВС РФ. В конце июля Судебная коллегия по

экономическим спорам ВС РФ в составе И.В. Разумова, Д.В. Капкаева и О.Ю. Шиловцова рассмотрела дело «АСВ против Смирновых», в котором впервые на столь высоком уровне был разрешен вопрос о том, может ли цепочка последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом признаваться единым договором купли-продажи между первым продавцом и последним покупателем и каким способом защиты (виндикацией или реституцией) должен воспользоваться первый продавец для возвращения отчужденного имущества (Определение от 31.07.2017 № 305-ЭС15-11230). По итогам рассмотрения спора, опираясь на положения п. 2 ст. 170 ГК РФ о притворности сделок, ВС РФ пришел к выводу, что цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться сделка, направленная на прямое отчуждение имущества первым продавцом последнему покупателю, в связи с чем права первоначального продавца на истребование имущества из владения последнего покупателя подлежат защите с использованием правового механизма, установленного ст. 167 ГК РФ (реституция), а не механизма, предусмотренного ст. 301, 302 ГК РФ (виндикация).

Несмотря на то что в этом данном деле речь шла о цепочке сделок купли-продажи, по нашему мнению, такая правовая позиция не должна ограничиваться лишь этим видом договора, а подлежит применению и в том случае, когда переход прав на имущество был оформлен с использованием иных договоров, предусматривающих переход права собственности. В практике встречается различное сочетание видов договоров, используемых для прикрытия отчуждения имущества от первоначального собственника к конечному приобретателю. Помимо договора купли-продажи возможно заключение договоров дарения, мены, ренты, соглашения об отступном и т. д. Однако вне зависимости от вида договора суть правовой позиции остается неизменной: если участники промежуточных сделок заключали их с целью прикрыть истинную сделку между первоначальным собственником и конечным приобретателем, надлежащим способом защиты для возвращения имущества первоначальному собственнику является иск о признании оспоримой сделки недействительной и применении последствий ее недействительности (применение последствий недействительности ничтожной сделки), а не

иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Как можно оценить эту позицию ВС РФ? На наш взгляд, ВС РФ исходил из следующих соображений. Хотя внешняя сторона (форма) взаимоотношений выглядит как совокупность последовательных сделок по отчуждению имущества между разными лицами, это само по себе не может свидетельствовать о том, что внутренняя сторона (содержание) взаимоотношений соответствует внешней стороне. Руководствуясь правилом приоритета существа над формой, суд должен исследовать действительное содержание правоотношений сторон всех сделок и дать им правовую квалификацию на предмет притворности промежуточных сделок по отчуждению имущества с целью прикрыть настоящую сделку между первоначальным продавцом и конечным покупателем. В том случае, если суд придет к выводу, что промежуточные сделки носят притворный характер, то при разрешении спора о судьбе имущества он должен исходить из действительных правоотношений между первоначальным продавцом и конечным покупателем, то есть разрешить спор между ними исходя из норм о недействительности сделки, а не норм о виндикации.

По моему мнению, приведенная правовая позиция заслуживает внимания и поддержки. Она полностью укладывается в содержание положений ст. 167, 170, 301, 302 ГК РФ. Вместе с тем необходимо осознавать, что с практической точки зрения указанная правовая позиция ВС РФ таит в себе опасность. Дело в том, ВС РФ не привел четкого пояснения по поводу того, в каких случаях она подлежит применению, и не указал основные критерии, на которые суды должны обращать внимание при рассмотрении аналогичных споров. Вероятно, ВС РФ исходил из того, что нижестоящие суды сами справятся с этой задачей, в частности, используя ранее выработанные подходы, касающиеся признаков притворных сделок. Однако надежда на это представляется достаточно опрометчивой и в большинстве случаев не оправдается. Высока вероятность того, что, опираясь на новую правовую позицию, судебная практика активно начнет безосновательно подменять нормы о виндикации нормами о недействительности сделок.

Признаки притворности цепочки сделок купли-продажи

Итак, при каких обстоятельствах цепочка последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом должна признаваться единым договором купли-продажи между первым продавцом и последним покупателем? Прежде всего нужно понимать, что говорить о притворности цепочки сделок можно только в том случае, если воля всех участвующих в них субъектов была направлена на достижение иного правового результата, а именно на непосредственный переход права на имущество от первоначального продавца к конечному покупателю. Иными словами, каждое лицо, участвующее в промежуточных сделках, должно осознавать, что оно не приобретает прав на имущество, а лишь играет роль номинала или ширмы, действующих в интересах другого лица. Если хотя бы одно из лиц, заключивших промежуточные сделки, действительно имело волю на приобретение имущества для себя, такая цепочка сделок не может быть признана притворной, а спор о правах на имущество нельзя разрешить с использованием механизма реституции. В последнем случае спор подлежит разрешению на основании норм о виндикации.

Но как распознать, что воля лиц, участвующих в промежуточных сделках, была направлена

не на приобретение имущества для себя, а лишь на формальное оформление перехода права собственности в интересах иных лиц, желающих создать искусственное промежуточное звено между действительным продавцом и покупателем? Это вопрос оценки доказательств конкретного дела. Тем не менее можно выделить наиболее часто встречающиеся признаки того, что воля лиц, участвующих в промежуточных сделках, в действительности не была направлена на приобретение имущества. К таковым относятся следующие обстоятельства:

а) необоснованно короткий промежуток времени, в течение которого были заключены сделки по отчуждению имущества;

б) отсутствие реальной экономической цели для приобретения или продажи имущества;

в) отсутствие у приобретателей реальной финансовой возможности осуществить расчет за приобретение имущества либо использование денежных средств, предоставленных одним из участников сделок, с последующей транзитной схемой взаиморасчетов, включение в договор условия об длительной отсрочке или рассрочке платежей;

г) наличие аффилированности между участниками сделок по отчуждению имущества, а также иные обстоятельства, свидетельствующие о взаимосвязанности группы физических или/и юридических лиц, а равно использование в качестве участников сделок фирм-однодневок или физических лиц, исполняющих роль номинала;

д) сохранение реального контроля за отчужденным имуществом со стороны предыдущего / будущего собственника (отсутствие передачи имущества в фактическое владение приобретателя, оформление новым владельцем доверенности на право распоряжения и/или управление имуществом в пользу предыдущего / будущего собственника либо подконтрольных ему лиц и т. д.).

Приведенные обстоятельства являются наиболее часто встречающимися признаками, свидетельствующими о притворном характере заключенных сделок, однако их перечень не

является исчерпывающим, а наличие какого-либо из приведенных признаков само по себе еще не свидетельствует о притворности цепочки сделок. Общая воля всех участников промежуточных сделок доказывается крайне сложно.

Таким образом, ВС РФ не изменил коренным образом подход к соотношению виндикации и реституции, он остается прежним, но увеличивается место для юридического маневра. Юридическая техника данного судебного акта оставляет желать лучшего, что создает препятствия для правильного понимания правовой позиции и ее применения при рассмотрении схожих дел. По-видимому, в ближайшие два года в судебной практике появится немало споров, в ходе которых будет обсуждаться вопрос о возможности применения этой правовой позиции. Для ее действительно качественного применения ВС РФ должен направить усилия на выработку более четких и понятных критериев использования таковой.

Подробнее о практических аспектах разграничения иска о применении последствий недействительности сделки и иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения можно узнать на бесплатном бизнес-завтраке журнала Legal Insight и коллегии адвокатов «Барщевский и Партнеры» для инхаус-юристов 18 октября. Подробности и регистрация: <https://legalinsight.timepad.ru/event/568095/>

НОВОСТИ КОМПАНИЙ

СТАТЬИ